

DOI: [10.14515/monitoring.2022.1.1729](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1729)

Л. Р. Низамова

МНОГОЯЗЫЧИЕ И «ТРЕТЬИ» ЯЗЫКИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Правильная ссылка на статью:

Низамова Л. Р. Многоязычие и «третьи» языки в массовом сознании жителей Республики Татарстан // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1. С. 328—347. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1729>.

For citation:

Nizamova L. R. (2022) Multilingualism and “Third” Languages in the Mass Consciousness of Residents of the Republic of Tatarstan. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 328–347. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1729>. (In Russ.)

МНОГОЯЗЫЧИЕ И «ТРЕТЬИ» ЯЗЫКИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

НИЗАМОВА Лилия Равильевна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей и этнической социологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

E-MAIL: lnizamov@kpfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5439-0636>

Аннотация. Усиливающаяся мультилингвальность сообществ и индивидов в условиях взаимного влияния разнонаправленных векторов глобализации и локализации актуализирует оценку состояния и перспектив воспроизводства культурного и языкового плюрализма в российском социуме. Необходимость аккомодации дилемм моно- и многоязычия в обществе начала XXI столетия привлекает внимание к поликультурному Поволжью: как и некоторые другие макрорегионы страны, оно отличается соседством национальностей, владеющих русским языком и изучающих иностранные языки, в большей или меньшей степени приверженных своему родному языку и использующих язык соседей в повседневной жизни. В статье внимание сосредоточено на Республике Татарстан, где ценность и практики русско-татарского двуязычия как формы мультилингвизма глубоко укоренены. Вместе с тем, Татарстан — это не только бикультурная татарско-русская, но и поликультурная территория, где признаются и поддерживаются языки других местных народов. На основе массового репрезентативного опроса жителей республики с выборкой 2000

MULTILINGUALISM AND “THIRD” LANGUAGES IN THE MASS CONSCIOUSNESS OF RESIDENTS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Liliya R. NIZAMOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and Ethnic Sociology

E-MAIL: lnizamov@kpfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5439-0636>

¹ Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Abstract. In the context of the mutual influence of multidirectional vectors of globalization and localization, the growing multilinguality of communities and individuals actualizes the assessment of the state and prospects for the reproduction of cultural and linguistic pluralism in Russian society. The need to accommodate the dilemmas of mono- and multilingualism in society at the beginning of the 21st century draws attention to the multicultural Volga region. Like some other macro-regions of the country, it is characterized by the neighborhood of nationalities who speak Russian and study foreign languages, who are more or less committed to their native language and use neighbors' language in everyday life. The article focuses on the Republic of Tatarstan, where the value and practices of Russian-Tatar bilingualism as a form of multilingualism are deeply rooted. At the same time, Tatarstan is a bicultural Tatar-Russian and a multicultural territory where the languages of other local peoples are recognized and supported. Based on a representative survey of the inhabitants of the republic with a sample of 2 000 respondents and a series of focus groups to discuss the language situation in the region and the country, the

респондентов и серии фокус-групповых обсуждений языковой ситуации в регионе и стране раскрываются установки жителей (представителей двух наиболее многочисленных этнических групп — русских и татар, а также разных типов поселений) в отношении многоязычия, права и обязанности изучать родные языки в школе в условиях нового этапа языковой политики в стране. Разноречивость и определенная поляризованность оценок в отношении многоязычия и «третьих» местных языков конкретизируется данными фокус-групп среди русских, татар и удмуртов г. Казань и сельской местности. Показаны устойчивые репертуары поддержки и критики многоязычия, обоснования нейтральных и сложносоставных позиций жителей по языковому вопросу.

Ключевые слова: многоязычие, полилингвизм, языковая политика, Татарстан, двуязычие, языки малочисленных национальностей

attitudes of the inhabitants (representatives of the two largest ethnic groups — Russians and Tatars, as well as different types of settlements) regarding multilingualism, rights, and obligations to study native languages at school in the context of a new stage of language policy in the country. Controversy and a certain polarization of assessments about multilingualism and “third” local languages are concretized by focus groups’ data among Russians, Tatars, and Udmurts in Kazan and rural areas. The article shows stable repertoires of support and criticism of multilingualism, the substantiation of the neutral and complex positions on the language issue.

Keywords: multilingualism, plurilingualism, language policy, Tatarstan, bilingualism, languages of minority nationalities

Введение

Статистические данные об этническом составе населения, а также публичная риторика свидетельствуют, что не только страна в целом, но и большинство регионов Российской Федерации представляют собой полиэтнические сообщества, что требует учета этноязыковой гетерогенности в управленческих решениях и социальной практике. Вместе с тем восприятие политики культурного плюрализма на федеральном уровне, задающее основные направления региональной политики, претерпело эволюцию во времени. С одной стороны, в сохранении этнокультурной самобытности народов и языкового многообразия усматривается один из ключевых ориентиров стратегии государственной национальной политики Российской Федерации¹, а с другой — приоритетным считается усиление общегосударственного самосознания россиян, скрепляемого русским языком в статусе государственного языка и русскоязычной культурой.

Степень культурного разнообразия на территории страны варьируется. Пример Татарстана интересен тем, что республика часто позиционируется не только как

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. в ред. Указа Президента РФ от 06.12.2018 № 703. URL: <http://docs.cntd.ru/document/551832267> (дата обращения: 22.02.2022).

бикультурная татарско-русская, но и как поликультурная, то есть поощряющая сохранение более широкого культурного многообразия территории, на которой проживают местные финно-угорские, тюркские, славянские народы, даже если они относительно немногочисленны. Политическая и культурная элиты региона способствуют формированию бренда республики и ее столицы города Казань как места слияния Востока и Запада, христианского и мусульманского миров, перекрестья культур и языков многих автохтонных народов Волго-Уралья (чувашей, удмуртов, марийцев, мордвы и др.) наряду с реализацией интересов титульной национальности [Макарова, 2018]. Как на рубеже 1990-х — 2000-х гг. Татарстан был одним из «локомотивов» федерализма в стране, так в последнее десятилетие он более других способствует продвижению мультикультурных ценностей в поддержку исторической многонациональности и языкового многообразия России.

Цель статьи состоит в установлении характера восприятия многоязычия и полилингвизма жителями преимущественно бикультурной Республики Татарстан с преобладающим татарским и русским населением в контексте изменений федеральной языковой политики последних лет. В работе дается оценка феномена многоязычия, т.е. использования и взаимодействия нескольких языков, в зарубежном и российском научном дискурсах; показаны количественные закономерности восприятия языковых прав и интересов носителей малочисленных языков, отношение к школьному учебному предмету «Родной язык» и распространенность установок на языковое многообразие в массовом сознании на основе репрезентативного опроса 2000 жителей Татарстана 18 лет и старше, проведенного в июле 2018 г. Массовый опрос проводился по месту жительства респондентов с применением квотной выборки, представляющей население Татарстана по полу, этничности, возрасту, образованию и территории проживания — г. Казань, другие большие и малые города (Набережные Челны, Нижнекамск, Альметьевск, Зеленодольск, Бугульма, Лениногорск, Чистополь, Заинск, Азнакаево, Нурлат, Бавлы, Арск, Кукмор), села 14 районов республики. Квоты рассчитаны на основе официальных данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. Выборка включала 1057 татар, 813 русских и 130 представителей других национальностей. В Казани было опрошено 666 чел., в других городах Татарстана — 848, в сельских поселениях — 486 респондентов. Полевые работы также включали 8 фокус-групп, которые состоялись в период с декабря 2016 по июнь 2018 гг., продолжительностью не менее двух часов; их них 5 — в Казани и 3 — в сельской местности. Общее количество участников — 71 человек. В региональной столице проведены обсуждения с русской и татарской молодежью (соответственно 10 и 7 участников), русскими и татарами старшего возраста (8 и 9 участников) и смешанной по возрасту группой удмуртов (7 участников). Фокусированные обсуждения языковой тематики так же охватили жителей татарского, русского и удмуртского сельских поселений (соответственно 10, 11 и 9 чел.). При рекрутировании этничность выступала ключевым объединяющим признаком, при этом обеспечивалось представительство по возрасту, полу, образованию, роду занятий, профессии и специальности татарстанцев с учетом особенностей типа поселения. На основе данных фокус-групповых обсуждений раскрываются устойчивые риторические приемы обоснования позитивных, ней-

тральных, негативных и сложносоставных оценок многоязычия татарами, русскими и удмуртами, проживающими в Республике Татарстан².

Проблематика многоязычия в зарубежном и отечественном дискурсах

В последние годы изучение многоязычия стало относительно новой областью исследований прикладной лингвистики, нейро-, психо— и социолингвистики, теории образования, исследований языковой политики, при этом отмечается немаловажное значение социологии, политической науки и экономической теории в оценке проблем языкового плюрализма. Многоязычие часто рассматривается с позиций влияния на когнитивное развитие и коммуникационные навыки личности и в сравнении с монолингвальными практиками овладения языками. Широко признается факт, что подавляющее большинство детей повсеместно социализируются в условиях мультилингвальности, а усиливающиеся миграции делают многокультурную среду все более привычной [Unsworth, 2013; Grin, Vaillancourt 1997: 48]. При этом было бы неверным связывать многоязычие исключительно с новейшей историей — эпохой постиндустриализма, цифровых медиа и глобальных миграций; это давно известное и историческое явление [Герасимов, 2017: 108], проявлявшееся и на социальном, и индивидуальном уровнях, которое, тем не менее, приобрело в современных условиях беспрецедентный характер и стало социальной ценностью [Senoz, 2013].

Наиболее распространенной формой многоязычия считается билингвизм, поэтому его все чаще рассматривают как особое явление, а многоязычие связывается с освоением и использованием трех и более языков. Вместе с тем, распространена и точка зрения, включающая двуязычие в число проявлений многоязычности [Goral, Conner, 2013: 128]. Исследователи проводят различие между «многоязычием», то есть применением нескольких языков в социуме, и «плюрилингвизмом», понимаемым как способность индивида использовать языковой репертуар, охватывающий разнообразие языков [Senoz, 2013]. Многоязычность социума создает условия для развития полилингвальной личности, но не исключает и воспроизводства индивидуального монолингвизма. Значительное число авторов отмечают преимущества билингвов или позитивные эффекты двуязычности в изучении третьего языка, связывая это с более разнообразными учебными стратегиями, позитивной мотивацией и более широким лингвистическим репертуаром билингвов [Senoz, 2013a]. Психологи отмечают, что многоязычие влияет на свойства личности и сопряжено с большей открытостью человека, терпимостью к неопределенности, высоким уровнем когнитивной эмпатии [Dewaele, Li Wei, 2013]. Многоязычие имеет множество форм и вариантов, охватывает практики изучения иностранного языка, общенационального языка, языка регионального или местного сообщества в качестве третьего гражданами, меньшинствами или мигрантами. Оно не сводится к случаям свободного владения несколькими языками, но охватывает также частичное овладение ими [Dewaele, Li Wei, 2013].

² Исследование выполнено при поддержке Фонда Фольксваген в рамках трилатерального проекта Гиссенского университета им. Юстуса Либига (Германия), Казанского (Приволжского) федерального университета (Россия) и Национальной академии наук Украины «Bi- and multilingualism between conflict intensification and conflict resolution. Ethno-linguistic conflicts, language politics and contact situations in post-Soviet Ukraine and Russia». Рабочая группа социологов К(П)ФУ: Л. Р. Низамова, А. Н. Нурутдинова, А. М. Гараева.

В российском социогуманитарном знании многоязычие так же осмысливается во множественных контекстах. Чаще всего отечественные исследователи обращаются к оценке зарубежного опыта многоязычия, который имеет обширную географию и охватывает такие страны, как Индия, Швейцария, Испания, Финляндия, Германия, Алжир, Израиль, Бразилия, Казахстан, государства африканского континента [Картушина, 2018; Петрова, 2020; Шабалина, 2015]. Использование многих языков связывается с наличием меньшинств, мигрантов, этнически-смешанных семей, реже — с ростом национализма. Отдельное внимание уделяется многоязычию как устойчивой стратегии языковой политики и формированию плюрилингвальных компетенций в системе образования Европейского Союза [Коротова, Поляков, 2015].

Значительный пласт исследований в России — это работы по педагогике, психологии и лингвистике, посвященные осмыслению формирования языковых компетенций и навыков в многокультурной среде, обучения грамматике и культуре письменной речи (особенно русского языка и/или иностранного языка), интеллектуального и духовно-нравственного развития учащихся, специфики учебных стратегий и подготовки учителя в условиях многоязычия [Аитов, Чжоу, Туржанова, 2019; Барышников, Вартанов, 2018]. Нередко отечественные лингвисты обращаются к многоязычию в литературном творчестве [Львова, Холтер, 2019], а историки — к условиям и факторам его воспроизводства в тот или иной конкретно-исторический период [Вашари, 2017]. Сосуществование нескольких языков рассматривается как феномен межкультурного взаимодействия в пространстве глобального и локального. Многоязычие и мультикультурализм в глобальном масштабе, предполагающие сохранение международного статуса русского языка в многополярном мире, получают весомую поддержку не только политиков, но и интеллектуалов как «дело государственной важности»³ [Швыдкой, 2015] и вопрос национальной безопасности [Соколовский, 2016].

В общероссийском масштабе приоритетным в последние десятилетия является овладение русским языком всеми гражданами многонациональной страны, что способствует воспроизводству и даже усилению языкового сдвига, заложенного в XX столетии в Советском Союзе. Кроме того, утверждение рыночных механизмов в постсоветскую эпоху способствовало распространению крупных языков и уменьшению языкового разнообразия [Алпатов, 2015]. Многоязычие оказывается более зримым в исторической ретроспективе, чем в условиях начала XXI столетия и прогнозах на будущее. В современной России многоязычие, как правило, связывается с региональными и локальными сообществами и уровнями власти и обычно упоминается в отношении республик Северного Кавказа (особенно Дагестана) [Шахбанова, 2011; Межидова, 2018], а также регионов Севера и Сибири — территорий проживания коренных малочисленных народов и статистически малочисленных национальностей. В целом многоязычие на территории Российской Федерации не подвергается сомнению, но растет обеспокоенность тем, что языки малочисленных народов не обеспечены достаточными мерами их защиты [Алпатов, 2015: 8].

³ Швыдкой М. Великий язык великого народа // Российская газета. 2015. 11 ноября. URL: <https://rg.ru/2015/11/11/shvydkoy.html> (дата обращения: 22.02.2022).

На Северном Кавказе многоязычие проявляется как в историческом соседстве автохтонных языков территории, так и в языковом репертуаре местных национальностей, владеющих не только родным языком и языками соседствующих кавказских народов, но и русским языком [Добрушина, 2008]. При этом отмечается преобладание русского языка во многих сферах жизнедеятельности дагестанских этносов [Шахбанова, 2011], свидетельствующее о тенденции перехода от локального многоязычия к многоязычию, предполагающему знание русского языка и ведущего к утрате значимости местных языков [Добрушина, 2011]. Помимо Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока многоязычие характерно и для Поволжья. При этом, «каждый из этих макрорегионов обладает спецификой в отношении спектра языковых ситуаций и должен анализироваться отдельно» [Соколовский, 2016: 54]. К сожалению, приволжский макрорегион в ракурсе языкового многообразия мало изучается в последние годы. Данная статья вносит свой вклад в осмысление темы, преследуя цель исследования многоязычия и «малых» языков в одной из поволжских национальных республик — Татарстане.

Вопрос о том, насколько типичен или уникален пример Татарстана может быть раскрыт в компаративном международном или межрегиональном исследовании, при этом заметно варьируют социально-политические системы координат оценивания и, соответственно, итоговые заключения. Имеющиеся сопоставительные проекты посвящены скорее постсоветской динамике функционирования татарского языка [Gorenburg, 2005], а не воспроизводству многоязычия в регионе и стране. В сравнительной перспективе с учетом ключевых вех истории России и эффектов советской политики национальностей представляется оправданным сравнение Татарстана прежде всего с соседними республиками Поволжья, в которых русский язык и языки титульных национальностей в 1990-е годы обрели высокий политико-правовой статус, при этом на территории проживают представители «третьих» по численности национальностей. Например, в Татарстане они составляют около 7 %, в Чувашии — 5 %, в Удмуртии — 10 %, в Башкортостане — 34 %⁴. Слово сочетание «третий язык» следует понимать как условное, не предполагающее ранжирования и призванное отразить фактическое многоязычие российских регионов, то есть применение в них более одного и даже двух языков. Если в Республиках Мордовия и Марий Эл будут подразумеваться «четвертые» языки помимо русского и, соответственно, эрзянского и мокшанского или языков горных и луговых мари, то в российских областях с преобладанием русского населения — все иные («вторые») языки российских народов, что стало особенно актуально в связи с введением в 2017 г. в школах нового учебного предмета «Родной язык». Показатели использования и трансмиссии татарского языка в Татарстане благоприятнее, чем воспроизводство титульных языков в соседних республиках, а население уже почти 30 лет живет в условиях законодательно установленного и поощряемого двуязычия. На фоне Чувашской и Удмуртской республик Татарстан демонстрирует заметно более активную позицию в сохранении титульного языка, продвижении двуязычия и признании других «малых» языков. При этом, в отличие

⁴ Всероссийская перепись населения-2010. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf (дата обращения: 18.05.2021).

от Башкортостана, «третьи языки» в Татарстане, будучи статистически малочисленными, не являются источником потенциальной конфликтности, обнаружившей себя в преддверии состоявшейся в 2021 году общенациональной переписи населения. Общей для всех национальных республик является озабоченность будущим малочисленных местных языков, независимо от того имеют они особый политико-правовой статус или таковой отсутствует.

Если официальная риторика и содержание политического дискурса в Татарстане хорошо отражены в научной литературе [Ерофеев, Низамова, 2001; Габдрахманова, Макарова, 2014], то восприятие многокультурности и многоязычия его населением, разными демографическими сегментами регионального сообщества еще не были предметом специального и эмпирически доказательного изучения. Русско-татарское двуязычие можно рассматривать как разновидность многокультурности, но в данной статье внимание фокусируется на более широкой перспективе признания культур малочисленных в республике национальностей, представляющих преимущественно автохтонные народы Волго-Вятского региона и титульные национальности соседствующих с Татарстаном республик.

Исследование дву- и многоязычия при поддержке Фонда Фольксваген охватило темы полилингвизма и многокультурности, изучения родных языков в общеобразовательных школах, в качестве которых с 2017 г. могут выступать все языки народов России. Как и массовый опрос населения Татарстана, фокус-групповые обсуждения (8 единиц) включали помимо вопросов русско-татарского двуязычия, темы изучения и использования многих языков, многокультурности и политики мультикультурализма в России. Кроме того, соответствие эмпирической базы поставленным в статье целям было обеспечено тем, что наряду с фокус-группами с участием русских и татар, в программу были включены два обсуждения с удмуртами, проживающими в городской и сельской местностях, а также рассмотрением темы «малых» («третьих») языков в частном и публичном пространстве регионального сообщества. Обращение к теме статистически малочисленных языков, среди которых есть несколько принадлежащих к группе финно-угорских народов, дополняет картину славянско-тюркского соседства в регионе.

Языки малочисленных в Татарстане национальностей в результатах массового опроса: нечеткость и разноречивость общественных установок

Тема обязательности или добровольности изучения других языков помимо общенационального и иностранного стала одной из центральных в публичной дискуссии 2017—2018 гг. и выражала разноречивость мнений этнических групп о месте татарского языка в школах Татарстана. Позиция татарского большинства в республике по вопросу не была монолитной. Данные проведенного опроса свидетельствуют о том, что для подавляющей части татар (84 %) важно, чтобы их дети говорили на родном языке; 78 % считают обязательным изучение в средней школе татарского языка как отдельной дисциплины, почти две трети (65 %) поддерживают обязательное изучение в равных объемах с русским языком. Вместе с тем достаточно широко востребован и принцип добровольности: более половины татар с разной степенью уверенности поддержали суждение: «Изучение татарского языка должно быть по добровольному выбору (факультативом)», реализация

которого позволяла снизить накал дискуссий и учесть интересы представителей других национальностей и русскоязычного сообщества. Хотя почти две трети татар считают, что языковая ситуация в республике обеспечивает возможности удовлетворения интересов татароязычного населения, около 30 % думают иначе, выразив более или менее уверенное согласие с утверждением о существовании конфликта на языковой почве.

Тема изучения других языков имела не меньшее значение и в определении будущности других языков народов РФ. Для выявления мнений простых татарстанцев массовый опрос включал ряд вопросов для измерения распространенности установок на языковое многообразие. Респондентам был задан вопрос: «Должны ли представители малочисленных национальностей Татарстана (чуваши, мордва, мари, удмурты и другие) в обязательном порядке изучать свой родной язык?» Полученные данные выявили заметное расхождение во мнениях и признаки их поляризации как внутри этнических сообществ, так и между двумя основными этническими группами республики и среди жителей разных типов поселений. В интерпретации результатов следует учитывать, что подавляющее большинство участников опроса высказывались о языке, который не является для них родным. 17 % респондентов ответили на вопрос утвердительно, еще почти 24 % так же были склонны поддержать обязательное изучение родного языка малочисленными этническими группами (в сумме — 41 %). Однако почти такая же доля жителей республики придерживалась противоположного мнения: почти каждый четвертый (24 %) высказал уверенное «нет», еще 16 % склонны согласиться с этим. Вопрос оказался трудным для части опрошенных — почти каждый пятый затруднился с ответом.

Среди считающих себя русскими наиболее частым был отрицательный ответ — 48 % более или менее уверенно отвергли обязательное изучение родного языка малочисленными национальностями, а около трети (31 %) сочли это должным. Распределение мнений среди татар оказалось «зеркальным»: 48 % татар с разной степенью уверенности настаивали на овладении родными языками меньшинствами в Татарстане, против этого выступили 35 %. Аналогично поляризованным оказалось соотношение мнений жителей городов и сел в Татарстане: большинство сельчан (58 %) было склонно считать обязательным изучение чувашами, марийцами, удмуртами и мордвой их родных языков, а горожане, особенно в г. Казань, массово разделяли противоположную точку зрения (44 %—47 %); сторонников освоения малочисленных языков их носителями среди них — около трети (36—34 %). Имелись и примечательные поколенческие контрасты: респонденты в возрасте 55 лет и старше на 9 % чаще, чем молодежь в возрасте 18—30 лет, давали уверенный положительный ответ, тогда как молодые люди чаще отрицали обязанность меньшинств изучать свой родной язык.

Языковая ситуация в Татарстане второй половины 2017 — начала 2018 гг., сложившаяся после отмены обязательного изучения татарского языка в общеобразовательных школах с русским языком обучения и увеличения объемов русского языка до общероссийских показателей, актуализировала роль семьи как субъекта языковой трансмиссии и социализации. В официальном дискурсе республики активно утверждалась идея, что значимым институтом, ответственным

за сохранение языков меньшинств, должна быть семья⁵. В связи с этим было важным уточнить, в какой мере жители республики связывают изучение языков малочисленных народов именно с формальными институтами образования. Вопрос был задан в формулировке: «Сейчас языки малочисленных национальностей (чувашей, мордвы, мари, удмуртов и другие) изучаются в Татарстане в местах их компактного проживания, в основном в сельской местности. Следует ли предоставить возможность осваивать малые языки школьникам повсеместно и в городах, обеспечивая их учебниками и учительскими кадрами за государственный счет?» Почти 40% респондентов ответили «да», и это наиболее распространенная точка зрения; тем не менее, почти каждый четвертый (24%) высказал противоположное мнение. Кроме того, на себя обращает внимание очень высокая доля затруднившихся с ответом (36%), что может быть объяснено не только сложностью вопроса, но и слабой актуализацией этой темы в информационном пространстве региона и страны. Позиция неопределенности оказалась почти такой же распространенной, как и уверенность в необходимости обеспечить как на селе, так в городе изучение «малых» языков в школах. Распределение ответов среди русских и татар было схожим, однако татары чуть чаще, чем русские высказывались за повсеместное и с поддержкой государства освоение «малых» языков, а среди русских доля затруднившихся с ответом оказалась наибольшей (38%), и это был самый распространенный ответ.

Сельские жители чаще, чем горожане соглашались с необходимостью расширения возможностей учить языки малочисленных национальностей повсеместно и при поддержке государства. Во всех типах поселений утвердительный ответ был преобладающим, но если на селе его разделяли 49% опрошенных, то в Казани — 35%, причем для казанцев этот вопрос оказался довольно трудным: 39% не смогли дать на него ответ. Как и в выборке по Татарстану в целом, в городах, включая региональную столицу, каждый четвертый негативно воспринял идею расширения возможностей для «малых» языков в городской среде за государственный счет.

Одним из источников затруднений является вопрос о «втором языке» малочисленных этнических групп в Татарстане (после общенационального русского языка и не считая иностранного языка, место которого в учебных планах не оспаривается). Возникает дилемма изучения татарского языка как государственного в республике (наряду с русским языком) или освоения родного «малого» языка. Массовая поддержка изучения родных языков объясняет полученные распределения ответов на вопрос: «Вы одобряете или не одобряете введение в 2017/2018 гг. нового учебного предмета „Родной язык“, позволяющего родителям по их письменному заявлению выбрать для изучения один из родных языков (русский, татарский, чувашский, удмуртский или другие)?» Наиболее представительной (68%) стала позиция одобрения введения нового учебного предмета: 41% выразили ее с уверенностью, еще почти 27% так же были склонны поддержать. Доля несогласных составила около 17%, еще 15% затруднились с ответом. Хотя в обеих этнических группах Татарстана позитивные мнения преобладали, русские охотнее, чем

⁵ Рустам Минниханов: Если в семьях не говорят на родном языке, то и дети не будут его знать // Республика Татарстан. 2018. 12 декабря. URL: <https://rt-online.ru/rustam-minnihanov-esli-v-semyah-ne-govoryat-na-rodnom-yazyke-to-i-deti-ne-budut-ego-znat/> (дата обращения: 25.02.2022).

татары, высказывали одобрение новым федеральным решениям по обучению языкам (74 % в отличие от 64 % среди татар). При этом негативные оценки среди татар встречались более, чем в 2 раза чаще, чем среди русских. В городской местности и особенно в Казани одобряющих новый учебный предмет было больше, чем на селе: в региональной столице поощрительно высказались 73 % респондентов, а в сельской местности с преобладанием татароязычного населения — 61 %.

Введение осенью 2017 г. учебного предмета «Родной язык» получило одобрение, так как де-юре не носило дискриминационного характера и позволяло представителям любой национальности ожидать от органов государственной власти более гибкого обеспечения их этнокультурных интересов. К тому же новые меры усиливали влияние родителей и образовательных учреждений на содержание обучения, ограничивая региональные власти в их стремлении поддержать государственный статус татарского языка в регионе. Изменения в школьном расписании отвечали требованиям активной части русскоязычных родителей пересмотреть республиканскую образовательную политику в части обязательного и с паритетом учебных часов (в филологическом разделе учебных программ) изучения татарского языка в школах. Многие татары (прежде всего проживающие в городах русскоязычные татары) дали положительную оценку введению новой учебной дисциплины, так как она позволяла сохранить присутствие родного языка в учебных планах и отвечала востребованной установке на принцип добровольности. Хотя добровольность изучения родного языка принималась далеко не всеми татарами, она позволяла в некоторой степени разрешить накопившиеся противоречия и избежать сложностей (снизить учебную нагрузку школьников или переориентировать усилия на изучение русского языка и подготовку к ЕГЭ, избежать обязательного тестирования по татарскому языку в 9 классе, и в более широком плане завершить жаркие дебаты об обязательности / добровольности изучения языков в школе, а также объемах, методике и качестве преподавания с минимально возможными потерями). Более того, новый учебный предмет «Родной язык» сокращал учебную нагрузку представителей малочисленных «третьих» национальностей: если ранее в местах компактного проживания в сельской местности с наличием национальных школ дети изучали четыре языка: общенациональный русский язык, татарский как один из двух государственных в республике, свой родной и иностранный языки, то с осени 2017 г. от уроков татарского языка можно было отказаться. Новые федеральные решения в сфере образования де-юре не исключали возможности изучения «третьих» языков в городах с присущим им дисперсным расселением этнокультурных групп, но де-факто никаких видимых организационных мер по реализации многокультурности, подготовке учительского корпуса и учебной литературы в стране не наблюдалось⁶. Защитники новаций заявляли о новых возможностях изучения родного языка повсеместно за пределами титульных республик, в том числе и для татар, проживающих в других регионах России, но реальные практики в основном сохраняли статус-кво и не содействовали поощрению многокультурности.

⁶ Шаймиев обеспокоен отсутствием нормативных документов для сохранения национальных языков. 2020. 26 мая. URL: <https://www.interfax-russia.ru/volga/news/shaymiev-obespokoen-otsustvstviem-normativnyh-dokumentov-dlya-sohraneniya-nacionalnyh-yazykov> (дата обращения: 28.06.2020).

Фокус-групповые дискуссии о многоязычии и языках малочисленных национальностей в Татарстане

В период с декабря 2016 по июнь 2018 гг. состоялись восемь фокус-групповых обсуждений языковой ситуации, дву- и многоязычия в Татарстане (пять — в городе Казань и три — в селах республики с участием татар, русских и удмуртов разного возраста, молодого и старшего поколений от 7 до 11 участников в каждой)⁷. Продолжительность фокус-группы составила не менее двух часов. Предметом обсуждения стали вопросы, представлявшие значимыми участникам в связи с рассмотрением языковой ситуации в Татарстане и стране в целом, использования и сосуществования русского и татарского языков, а также тема многоязычия, связанная с языками малочисленных местных национальностей. Качественная стратегия анализа с применением метода фокус-групп позволила выявить смыслы и мотивы социальных действий, а также устойчивые репертуары понимания и оправдания языковых практик.

Фокус-группы показали, что для представителей каждой из этнических групп свой язык, каким бы ни был его официальный статус, является наиболее важным и ценным. Укорененный в системе первичных связей, он подпитывает значения, проецируемые более или менее активно в публичное пространство. Соседство русских и татар в республике побуждало участников обсуждений обращаться к темам двуязычия, использования и изучения татарского языка, места и значения русского языка. На этом фоне тема многоязычия и «третьих» языков была мало актуализирована, ее обсуждение в завершающей части дискуссии поощрялось модератором в исследовательских целях. Фокус-группы позволили узнать, какие мысли и настроения скрываются за количественными данными — позитивными, нейтральными, негативными оценками многоязычия.

Если слово «двуязычие» хорошо известно жителям Татарстана, то термин «многоязычие» не входит в общеупотребительный лексикон. Многоязычие чаще ассоциируется не с местными языками России, а со все более востребованными иностранными языками: английским, китайским, арабским. Вместе с тем, не являясь первостепенным вопросом, наличие в стране многих языков не подвергается сомнению: «Да, я за сохранение многоязычия, но не ручаюсь, что все будет сохранено, но надо к этому стремиться» (ФГ 5). Декларируется необходимость изучения других языков народов России («Дабы не потерять культуру и историю»; «Это очень трудно, хотя если была бы возможность, это было бы интересно и здорово» ФГ 1), но с учетом большой роли русского языка как общенационального и объединяющего, и поэтому обеспечивающего взаимопонимание. Тем более, что подавляющее большинство россиян, независимо от национальности, говорят по-русски. Если даже в СССР «он был везде», то в современных условиях значение русского языка не может быть меньше: «у нас все-таки Россия» (ФГ 3). У численно преобладающей русскоязычной части участников обсуждений языковая иерархия, сложившаяся в советскую эпоху, в целом не вызывает вопросов; татароязычные татары, напротив, высказывают свою обеспокоенность.

⁷ Фокус-группа с русской молодежью Казани — ФГ1, татарской молодежью Казани — ФГ2, старшими русскими Казани — ФГ3, старшими татарами Казани — ФГ4, удмуртами в Казани — ФГ5, в татарском селе — ФГ6, русском селе — ФГ7, удмуртском селе — ФГ8.

Поддержка «третьих» языков рассматривается скорее как задача страны в целом, а не отдельных регионов. В России проживает много национальностей — «у них такие же проблемы, как и у нас» [то есть у татар] (ФГ 2). При этом татары защищают прежде всего свой язык наряду с использованием русского: «Считаю, у нас нужно оставить на данный момент два основных государственных языка [русский и татарский]; языки малых народов — это уже каждый сам за себя решает: следует их учить — не следует. Они — как дополнительно, может быть, как факультатив дома. Или не знаю» (ФГ 4).

Среди представителей малочисленных национальностей значимость родного языка, независимо от численности населения, степени ассимиляции и места проживания, не подвергается сомнению: «Потому что это родной язык. Язык матери» (ФГ 8). Есть желание говорить на родном языке: «Если я живу в Татарстане. Я — удмурт. Мне, конечно, лучше общаться по-удмуртски», хотя характер владения языком очень разный: «каждый по-своему знает» (ФГ 5), и многие «обрусели» «из-за телевизора, из-за гаджетов» (ФГ 8). У удмуртов в Татарстане распространено многоязычие: «для нас как бы свойственно, что мы говорим на трех языках, на двух языках, там, на разных, на четырех языках. То есть это — как бы нормально для удмуртского вообще в целом населения» (ФГ 5). При этом, этнические интересы и языковые различия не исключают формирования национальной солидарности и приверженности родине: «Наш русский человек, наш удмурт, наш мариец, наш татарин до крови, до смерти на своей земле боролся бы за свою территорию. А у них [на Ближнем Востоке] началась война — они переехали в другую страну» (ФГ 5).

Отмечается поддержка других языков и культур и в масштабах страны, и в Татарстане: имеются этнокультурные общества, СМИ, театры, интернет-сайты, проводятся праздники и фестивали. Среди форматов этнокультурного образования в республике приводились примеры Многонациональной воскресной школы при Доме дружбы народов Татарстана, где организовано изучение ряда языков, и еврейской школы. Допускается создание классов, факультативов, кружков для освоения «третьих» языков на основе принципа добровольности и самоорганизации («Это по желанию. Захочу, я выучу его, не захочу — нет» (ФГ 4)). К достоинствам многоязычия, по мнению участников, относятся способность обеспечивать «согласие, мир, добрососедство», взаимное уважение и приятие (ФГ 3). Благодаря многоязычию люди «между собой общаются и пытаются друг друга понять», обмениваются традициями, культурой (ФГ 2); наконец, оно обеспечивает широту мышления.

Оппоненты же считают, что в стране с более чем двумя сотнями языков и диалектов, реализация многоязычия — сложная задача: «Столько национальностей! Всех их начнешь поддерживать, голова взорвется» (ФГ 2); «обеспечить хотя бы большинство школ специалистами по всем малым народностям невозможно» (ФГ 1). Даже в ситуации двух наиболее распространенных языков в Татарстане возникли дискуссии и сложности, поэтому на вопрос: «Нужно ли изучать „малые“ языки?», — отвечали: «Думаю, что нет. То, что с русским и с татарским не можем уж определиться, — думаю не надо. Уже каша будет» (ФГ 2), или «татарский бы выучить» (ФГ 4).

Отрицательными суждениями относительно обязательного изучения «малых» языков выражается вера в то, что овладение ими — вопрос индивидуальной заинтере-

сованности в обучении и личной готовности применять в социуме: «*Это уж от самого человека зависит, как хочет он*» (ФГ 1). Хотя некоторые языки изучаются в национальных школах на селе и в своих республиках, они мало или почти не используются в повседневной жизни, в отличие от татарского в Татарстане, который имеет более широкое хождение. Ассимиляция сильнее затронула финно-угорские народы Волго-Вятского региона: «*Даже удмурты говорят — они не удмурты уже, а русские*» (ФГ 8); «*Про мордву могу сказать мое субъективное мнение, что умирающий язык, к сожалению, в Татарстане. Это не обусловлено, опять-таки, тем, что Татарстан целенаправленно губит этот язык, а потому что народу самому этот язык, к сожалению, не нужен*» (ФГ 5). Предполагается, что потребности статистически малочисленных народов должны удовлетворяться усилиями титульных республик: «*Вот в Марий Эл он бы изучал свой родной язык — марийский, а сюда он приехал все-таки учиться и понимать, где он находится. Все-таки*» (ФГ 2); «*Если чувашский нужен, то пусть учит, ради Бога. Поедет в Чебоксары, выучит чувашский, придет сюда*» (ФГ 4).

Различение «свои» / «чужие» варьирует в разных социальных контекстах и не сводится к этническим характеристикам. Зачастую проживающие в республике русские и татары объединяются в категорию «свои», тогда как другие национальности — это не столько живущие в Татарстане чуваша, удмурты и т. п., а разноликие приезжие, например, торговцы из Закавказья, трудовые мигранты из соседней республики Поволжья или иностранцы из дальнего зарубежья. В таком контексте идея признания других языков вызывает отторжение: «*Они продают нам помидоры, они должны нам по-русски их продать, не по-своему*», или «*Пускай учат свой язык. Ну, если к нам приезжают, пускай учат наш язык, а свой язык навязывать нам, я думаю, — это неправильно*» (ФГ 2). Противники многоязычия отмечали, что оно может препятствовать взаимопониманию, быть источником конфликтов и столкновений на межнациональной почве: «*Если логически думать: если бы все были одной нации, не было бы у них никаких между собой конфликтов, тогда бы и войн, соответственно, не было*» (ФГ 1); «*Строительство Вавилонской башни знаешь почему прекратилось? Потому что люди разговаривали на многих языках и не понимали друг друга*» (ФГ 3).

Участники обсуждений осознают, что многоязычие требует дополнительных усилий и материального обеспечения: «*...Бюджет республики должен распределяться так, чтобы каждой национальности кусок пирога соответствующий достался. Чтоб никто в обиде не остался... Чтобы кто-нибудь не пришел в Госсовет и не сказал: „А моего внука там не учат по-чувашски“. Чтобы такого не было. Каждому организовать Гырон быдтон, Сабантуй организовать... и Семык организовать для марийцев. Все надо организовать и вот так в кучу собрать. И еще уследить, чтобы никаких волнений там не происходило... Это огромный труд!*» (ФГ 5). Политическим и организационным сложностям сопутствуют и сугубо экономические контраргументы: «*На каждые языки — это же деньги, затраты...*», что выглядит обременительным на фоне слабой экономики (ФГ 1) и снижения уровня жизни населения. Негативные оценки многоязычия имеют и другие источники — могут быть связаны с опасениями возможной дискриминации на рынке труда из-за незнания языка (ФГ 1) или с озабоченностью низкой языковой культурой: качество языков ухудшается, часто звучит неправильная речь (ФГ 2).

Наряду с полярными оценками, нередко звучали и более взвешенные, сложные по содержанию, многокомпонентные высказывания. Было отмечено, что многоязычие — это одновременно «и хорошо, и проблемы», оно и объединяет в случае «взаимопроникновения и интереса к другому», и разъединяет, если каждый разговаривает на своем языке и не знает языка соседа. В такой ситуации требуется чувство меры: «...политика многоязычия она сродни воде ... если лить туда ведрами — это будет убийственно. И если не давать совсем — это будет жажда» (ФГ 4). Рассудительно подмечалось: «для представителя этой культуры, этих национальностей — да, нужно, но вопрос: надо ли это другим, и как это будет вообще реализоваться?» (ФГ 2). Отмечалось, что многое зависит от запроса и желания людей, которые побуждают этнокультурные организации обращаться в органы государственной власти (ФГ 2). «Я думаю, что специально поддерживать их не надо, но и мешать им тоже, наверное, не надо» (ФГ 4) — суждение, отражающее распространенную точку зрения.

Дилемма сохранения существующего де-факто многоязычия и / или поощрения одного и общего для всех языка (таким в стране может быть только русский язык) порождает стремление иметь и то, и другое («одновременно все, как в жизни бывает»), однако такая возможность сразу скептически оспаривается: «Не бывает так!» (ФГ 3). Если будет превалировать русский язык, то другие будут затухать, а «надо развиваться всем культурам», хотя бы им не мешать.

Заключение

В силу многонационального характера российского общества оно по умолчанию считается многоязычным, хотя языковой сдвиг XX века привел к формированию обширных моноязычных публичных пространств, которые лишь укрепились в этом качестве в постсоветскую эпоху в условиях роста «цивилизационного национализма» [Идеология «особого пути», 2010]. Очевидно, что отношение к многокультурности и многоязычию в России заметно расходится с подходами «западного» мира в силу влияния советского модернизационного проекта, а также исторической имперской идеи и усиления русского этнического национализма в постсоветский период.

Многоязычие в форме соседства и взаимодействия двух языковых сообществ в Татарстане — повседневная, широко принимаемая, хотя и асимметричная практика. Стремление регионального руководства обеспечить сохранение татарского языка одновременно с поддержкой русско-татарского двуязычия следует рассматривать как продвижение аддитивного билингвизма в республике и многоязычия в стране, переход от доминантного двуязычия к более сбалансированному. При этом планируемые результаты изучения титульного языка республики учащимися не были максималистскими и не являются такими сейчас, т. е. не предполагают владения и использования на уровне своего родного языка.

Хотя в данной статье не ставилась цель объяснить, почему так разнятся языковые ситуации в регионах, витальность одних «малых» языков в отличие от других и интенсивность языковой ассимиляции, она обращает внимание на немаловажный социально-психологический фактор языкового включения/исключения в этнически гетерогенных локальных сообществах. Есть широкий круг разнопла-

новых обстоятельств, способствующих нивелированию малочисленных языковых сообществ. Не только недостаточная демографическая численность этнической группы как носителя языка, ослабление механизмов межпоколенной языковой трансмиссии, обеспечивающих использование языка молодыми в их повседневной жизни и его сохранение в этнически-однородных средах, неготовность учительского корпуса и учебных материалов, малопрестижность языка среди «своих», или отсутствие протекционистской языковой политики и благоприятных миграционных процессов, но и установки поликультурного местного сообщества в отношении «других» языков могут помогать или препятствовать сохранению и развитию многоязычия.

Анализ российского научного дискурса и общественного мнения жителей Республики Татарстан свидетельствует о том, что у многоязычия есть и сторонники, и противники. Массовый опрос населения Татарстана выявил как множественность позиций в отношении многоязычия и поддержки языков малочисленных национальностей, так и их неоднозначность. Установлены признаки поляризации мнений как между этническими группами русских и татар, так и внутри них. Татары чаще, чем русские готовы поддержать обязательное изучение родного языка чувашами, мордвой, марийцами и удмуртами, в т.ч. в общеобразовательных школах с поддержкой государства, а не только за счет усилий семьи. Вместе с тем наличие весьма представительной доли жителей Татарстана, не определившейся с мнением, указывает, как на сложность, так и слабую артикулированность темы в информационном поле страны и даже республики. Последнее связано с убежденностью многих, что основное внимание должно быть уделено статистически наиболее многочисленным общностям, а обеспечение малочисленных национальностей — это задача федеральных властей и соответствующих титульных республик. На позиции русских и татар влияют личная невключенность и малая информированность о «третьих» языках.

Восприятие местного многоязычия и «малых» языков в Татарстане, где русско-татарское двуязычие поощряется и является привычным, а доля «других» национальностей невелика, предположительно является иллюстрацией максимально возможной в современных условиях языковой инклюзии, задающей верхнюю планку притязаний в поволжском макрорегионе. При этом ощутимая (и в определенных контекстах преобладающая) поддержка многими родных языков сочетается с нечеткостью и разноречивостью социальных ориентиров жителей, не получающих достаточной репрезентации в публичном поле. В других национальных республиках Волго-Уралья, где государственных языков больше двух, или «третьи» языки многочисленны и могут составлять конкуренцию, распределение мнений среди населения может быть иным, что требует дополнительного изучения. Востребованная у граждан и поощряемая федеральными властями установка на «добровольность» изучения языков народов России (родных языков) все же не обеспечивает даже простого воспроизводства исторического многоголосья. Опыт Татарстана тем не менее показателен тем, что преобладающая часть жителей считает необходимым изучение не только общенационального, иностранного, но и родного языка, что не является лишь регионально-специфической тенденцией. Отстаивая будущность татарского языка в республике и за ее пределами,

региональные власти в Татарстане также демонстрирует эмпатию в отношении «третьих» местных языков и поддерживают аналогичные устремления соседей.

Многокультурность поддерживается в ее давно сложившемся качестве и связывается с историей и культурой многонациональной страны и своей этнической общности, даже если она не велика по численности. Если старшее поколение удмуртов в Татарстане осваивало татарский язык в неформальной среде локальных коммуникаций, то молодое поколение уже не сильно к этому мотивировано в преимущественно русскоязычной среде не только городов, но и сел, что подтверждает тенденцию перехода от локального многоязычия, ранее характерного для нерусских народов России, к доминантному многоязычию с ведущей ролью русского языка. Этническая и языковая политика на федеральном уровне последних лет закрепляет этот устойчивый тренд.

Список литературы (References)

Аитов В. Ф., Чжоу Н., Туржанова Г. Н. Обучение грамматике в условиях реального многоязычия и поликультурности // Психология образования в поликультурном пространстве. 2019. № 2. С. 78—89. URL: <https://www.elsu.ru/journal/issues/202/articles/2665/> (дата обращения: 21.02.2022).

Aitov V. F., Zhou Nan, Turzhanova G. N. (2019) Teaching Grammar in the Conditions of Real Multilingualism and Multiculturalism. *Psychology of Education in a Multicultural Space*. No. 2. P. 78—89. URL: <https://www.elsu.ru/journal/issues/202/articles/2665/> (accessed: 21.02.2022). (In Russ.)

Алпатов В. М. Языковая политика в России и в мире // Известия РАН. Сер. Литературы и языка. 2015. Т. 74. № 1. С. 3—10.

Alpatov V. M. (2015) Language Policy in Russia and Abroad. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. Vol. 74. No. 1. P. 3—10. (In Russ.)

Барышников Н. В., Вартанов А. В. Учитель многоязычия: компоненты профессиональной подготовки (к постановке вопроса) // Многоязычие в образовательном пространстве. 2018. № 10. С. 7—17.

Baryshnikov N. V., Vartanov A. V. (2018) Teacher of Multilingualism: components of professional education (Setting of a Problem). *Russian Journal of Multilingualism and Education*. No. 10. P. 7—17. (In Russ.)

Вашари И. Многоязычие и культурные взаимодействия в Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 1. С. 56—73. <http://dx.doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-1.56-73>.

Vásáry I. (2017) Multilingualism and Cultural Interactions in the Golden Horde. *Golden Horde Review*. Vol. 5. No. 1. P. 56—73. <http://dx.doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-1.56-73>. (In Russ.)

Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений /под ред. Г. Ф. Габдрахмановой, Г. И. Макаровой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «Артифакт», 2014.

G. F. Gabdrakhmanova, G. I. Makarova (eds.) (2014) *State Languages of the Republic of Tatarstan: Multiple Dimensions*. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; “Artifact” Press. (In Russ.)

Львова Н. Л., Холтер Ю. Многоязычие в рукописях писателей // *Русская литература*. 2019. № 2. С. 214—216. <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2019-2-214-216>.
Lvova N. L., Holter Yu. (2019) Multilingualism in the Writers’ Manuscripts. *Russian Literature*. No. 2. P. 214—216. <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2019-2-214-216>. (In Russ.)

Добрушина Н. Р. Язык и этничность малого народа: быть или не быть // *Социологические исследования*. 2008. № 11. С. 77—83. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2008-11/Dobrushina_11.pdf (дата обращения: 21.02.2022).

Dobrushina N. R. (2008) Language and Ethnicity of an Aboriginal Group: To Be or Not to Be // *Sociological Research*. No. 11. P. 77—83. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2008-11/Dobrushina_11.pdf (accessed: 21.02.2022). (In Russ.)

Добрушина Н. Р. Многоязычие в Дагестане конца XIX — начала XXI века: попытка количественной оценки // *Вопросы языкознания*. 2011. № 4. С. 61—80. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2011-4/61-80> (дата обращения: 21.02.2022).

Dobrushina N. R. (2011) Multilingualism in Dagestan From the End of the 19th to the Beginning of the 21st Century: An Attempt at a Quantitative Evaluation. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*. No. 4. P. 61—80. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2011-4/61-80> (accessed: 21.02.2022). (In Russ.)

Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия / под ред. Э. А. Паина. М.: Три квадрата, 2010.

Pain E. A. (ed.) (2010) *Ideology of the “Special Way” in Russia and Germany: Origins, Content, Consequences*. Moscow: Tri kvadrata. (In Russ.)

Картушина Е. А. Языковое планирование статуса миноритарных языков в условиях многоязычия (на примере Финляндии) // *Политическая лингвистика*. 2018. № 2. С. 106—114. URL: <https://www.politlinguistika.ru/jour/article/view/40> (дата обращения: 21.02.2022).

Kartushina E. A. (2018) Minority Language Status Planning under the Conditions of Multilingualism (Based on Finland). *Political Linguistics*. No 2. P. 106—114. URL: <https://www.politlinguistika.ru/jour/article/view/40> (accessed: 21.02.2022). (In Russ.)

Коротова И. А., Поляков Д. Д. Концепция многоязычия как стратегия языковой политики и иноязычного образования в Европе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Психология и педагогика*. 2015. № 1. С. 54—60. URL: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics/article/view/8051> (дата обращения: 21.02.2022).

Korotova I. A., Polyakov D. D. (2015) Concept of Multilingualism as Strategy of Language Policy and Foreign-Language Education in Europe. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. No. 1. P. 54—60. URL: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics/article/view/8051> (accessed: 21.02.2022). (In Russ.)

Макарова Г. И. Татарстан в видении элит и простых жителей республики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21. № 2. С. 75—105. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.3>.

Makarova G. I. (2018) Tatarstan in the Elite Discourse and in the Vision of Its “Ordinary” Residents. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 21. No. 2. P. 75—105. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.3>. (In Russ.)

Межидова Т. У. Проблема многоязычия и пестрота этнической карты Кавказа в изучении прошлого и истории отдельных народов // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 3. С. 30—39.

Megidova T. U. (2018) The Issue of Multilingualism and Diversity of Ethnic Map of the Caucasus in Studying the History of Peoples. *Bulletin of Kalmyk University*. No. 3. P. 30—39. (In Russ.)

Новая имперская история Северной Евразии. Часть 1 / под ред. И. Герасимова. Казань: Ab Imperio, 2017.

Gerasimov I. (ed.) (2017) *The New Imperial History of Northern Eurasia. Part 1*. Kazan: Ab Imperio. (In Russ.)

Петрова Г. В. Бразилия: от монолингвизма к многоязычию // Филологические науки в МГИМО. 2020. Т. 21. № 1. С. 114—120. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-1-21-114-120>

Petrova G. V. (2020) Brazil: From Monolingualism to Multilingualism. *Linguistics & Polyglot Studies*. Vol. 21. No. 1. P. 114—120. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-1-21-114-120> (In Russ.)

Постсоветская культурная трансформация: медиа и этничность в Татарстане 1990-х гг. / под ред. С. А. Ерофеева, Л. Р. Низамовой. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001.

Yerofeyev S. A., Nizamova L. R. (eds.) (2001) *Post-Soviet Cultural Transformation: Media and Ethnicity in Tatarstan in the 1990s*. Kazan: Kazan Univ. Press. (In Russ.)

Соколовский С. В. Языковая политика как фактор национальной безопасности // Этнографическое обозрение. 2016. № 3. С. 46—56. URL: <https://eo.iea.ras.ru/archive/2010s/2016/no3/046.htm> (дата обращения: 21.02.2022).

Sokolovskiy S. V. (2016) Language Policy as a National Security Factor. *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 3. P. 46—56. URL: <https://eo.iea.ras.ru/archive/2010s/2016/no3/046.htm> (accessed: 21.02.2022). (In Russ.)

Шабалина О. И. Управление проблемой многоязычия в рекламной практике Индии // Менеджмент в России и за рубежом. 2015. № 2. С. 100—108.

Shabalina O. I. (2015) Management of Multilingualism in Indian Advertising Market. *Management in Russia and Abroad*. No. 2. P. 100—108. (In Russ.)

Шахбанова М. М. Этноязыковые процессы в Дагестане // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 71—77. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2011-2/Shahbanova.pdf> (дата обращения: 21.02.2022).

Shakhbanova M. M. (2011) Ethno-linguistic processes in Dagestan. *Sociological Studies*. No. 2. P. 71—77. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2011-2/Shahbanova.pdf> (accessed: 21.02.2022). (In Russ.)

Cenoz J. (2013) Defining Multilingualism. *Annual Review of Applied Linguistics*. Cambridge Univ. Press. Vol. 33. P. 3—18. <https://doi.org/10.1017/S026719051300007X>.

Cenoz J. (2013a) The Influence of Bilingualism on Third Language Acquisition: Focus on Multilingualism. *Language Teaching*. Vol. 46. No. 1. P. 71—86. <https://doi.org/10.1017/S0261444811000218>.

Dewaele J.-M., Li Wei. (2013) Is Multilingualism Linked to a Higher Tolerance of Ambiguity? *Bilingualism: Language and Cognition*. 2013. Vol. 16. No. 1. P. 231—240. <https://doi.org/10.1017/S1366728912000570>.

Goral M., Conner P.S. (2013) Language Disorders in Multilingual and Multicultural Populations. *Annual Review of Applied Linguistics*. Vol. 33. P. 128—161. <https://doi.org/10.1017/S026719051300010X>.

Gorenburg D. (2005) Tatar Language Policies in Comparative Perspective: Why Some Revivals Fail and Some Succeed? *Ab Imperio*. No. 1. P. 257—284. <https://doi.org/10.1353/imp.2005.0023>.

Grin F., Vaillancourt F. (1997) The Economics of Multilingualism: Overview and Analytical Framework. *Annual Review of Applied Linguistics*. Vol. 17. P. 43—65. <https://doi.org/10.1017/s0267190500003275>.

Unsworth Sh. (2013) Current Issues in Multilingual First Language Acquisition. *Annual Review of Applied Linguistics*. Vol. 33. P. 21—50. <https://doi.org/10.1017/S0267190513000044>.